

DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-163-172

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. Л. И. Щелокова

г. Москва, Россия

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В КНИГЕ «ИСПАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ» И. Г. ЭРЕНБУРГА

Аннотация: В статье проанализированы очерки И. Г. Эренбурга об Испании, реализована попытка рассмотреть концепт «война» в его книге «Испанские репортажи». Книга, создававшаяся в течение многих лет, демонстрирует эволюцию восприятия писателем страны — от восхищения красотой земли Испании и ее жителями до постижения философского смысла происходящих военных событий. В центре внимания писателя — вопросы войны, жизни и смерти, осознание человеком своего долга, его исполнения, сохранения чести, пробуждения национальной совести народа и судьба родины. В контексте военной темы этот круг проблем обрел онтологический смысл, доказал уязвимость и хрупкость мира накануне Второй мировой войны и образовал ценностный центр публикаций Эренбурга. Указанное семантическое ядро в современной науке определяется термином «концепт». Автор статьи, опираясь на характеристику концепта С. А. Аскольдова-Алексеева, рассматривает реализованные писателем разнообразные смыслы понятия «война». Статьи Эренбурга, преимущественно основанные на впечатлениях очевидца, фиксирующего конкретные факты, содержат обобщенный взгляд на современную историю и ретроспективное осмысление событий. Репортажи писателя являют собой семантический комплекс, где доминантная составляющая войны выражена во множестве аспектов, совокупность которых составляет ее сущность, именуемую «концептом».

Ключевые слова: война в Испании, Испанские репортажи, Илья Эренбург, концепт.

Информация об авторе: Лариса Ивановна Щелокова — кандидат филологических наук, доцент, Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 2, 129226 г. Москва, Россия. E-mail: lariva2007@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.04.2019

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Щелокова Л. И. Концепт «война» в книге «Испанские репортажи» И. Г. Эренбурга // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 163–172. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-163-172

Исследовательский интерес к военной теме в русской литературе XX в. не угасает, однако обширный материал литературы о войне все еще нуждается в изучении и осмыслении. Особенно это касается периода 1930-х гг., его принято считать *предво-*

енным, в это время развивается русская литература о революции и Гражданской войне, в Западной Европе появляется и завоевывает популярность проза о Первой мировой войне (Э. М. Ремарк, Э. Хемингуэй и др.), утверждается понятие «потерянное поколение». В то же время приближение большой войны ощущалось в разных странах. На растала тревога в Западной Европе, Гитлер, придя к власти, реализовывал свои захватнические планы. В Испании вспыхнула гражданская война, туда приехали известные писатели (Дж. Оруэлл, Э. Хемингуэй, М. Кольцов, И. Эренбург, А. Н. Толстой и др.), многие из них участвовали в боевых действиях против фашистской агрессии. Противостояние двух идеологий, наблюдаемое писателями, было воспринято ими как своего рода точка отсчета, шкала нового измерения жизни, они воочию убедились в отчужденности фашизма от человеческой культуры, его несовместимости с ней. У каждого автора сложилось свое видение происходящего — с учетом пребывания на войне и личного опыта каждого из них. Нельзя утверждать, что указанный пласт творчества писателей совсем не изучался, отдельно рассматривалась военная публицистика И. Г. Эренбурга [2], К. Симонова [4; 5] и других писателей. Тем не менее описания испанских событий в этих работах нет. Толкование событий испанской войны все еще остается эпизодическим явлением в научной литературе, можно назвать лишь некоторые работы, посвященные этому аспекту [11; 12; 13]. Нас интересует новый подход к исследованию батальной темы в русской литературе, включающий различные этапы ее развития и восприятие писателями разных военных событий.

Внимание к публицистике Эренбурга в науке обусловлено обширным корпусом его статей и очерков, посвященных Великой Отечественной войне [6; 7; 9], но этой части его творчества предшествует еще и значительный пласт публикаций об испанских событиях, которые неоправданно забыты и не включаются в круг анализируемых проблем. Писателя волновали вопросы войны, жизни и смерти, осознание человеком своего долга, его исполнение, пробуждение национальной совести народа, судьба родины, они зазвучали особенно остро и обрели глубокий онтологический смысл во всем европейском сообществе, показали уязвимость и хрупкость мира. Обозначенный круг вопросов стал ценностным центром осмысления жизни испанского народа, его истории и участия в войне, представленный в публикациях Эренбурга, составил семантическое ядро, для его определения уместно применить термин «концепт», широко используемый современной наукой. С. А. Аскольдов-Алексеев охарактеризовал его как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269]. Ю. С. Степанов обозначил концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [7, с. 40]. В современной науке активно разрабатывается концепт и концептосфера [10], проводятся исследования в литературоведении и лингвистике. В центре внимания ученых преимущественно художественная литература, нам не встречались работ, посвященных изучению концепта / концептосферы публицистики, поэтому постановка подобной проблемы представляется нам актуальной и необходимой.

В атмосфере предчувствия войны 1930-х гг. следует говорить о коренной ломке общей морали, об изменении отношения к культурным ценностям, к их возможной утрате, о цене человеческой жизни и других гуманистических проблемах. В Испании Эренбург оказался уже будучи опытным художником, его формирование пришлось на начало XX столетия, он был свидетелем всех исторических трагедий эпохи. События Первой мировой войны освещались им на страницах периодики, не оказался он в стороне и от военных драм последующих лет, таким образом, его мастерство публи-

циста вырабатывалось в течение нескольких десятилетий. В Испании он находился несколько лет, публицистические заметки об Испании — это около трехсот пятидесяти очерков, разнообразных по форме и тематике.

Впечатления писателя от пребывания в стране отражены в книгах: «Испания» [14], «Испанский закал» [16], на их основе были собраны «Испанские репортажи» [15].

Очерки Эренбурга об Испании можно условно распределить на два раздела: довоенный (после революции 1931 г.) и военный (после 1936 г.). Первый этап мы бы назвали в условном смысле «ознакомительным», он начинается с путевого очерка (первая книга «Испания» 1935 г. снабжена подзаголовком «путевые очерки»). Следуя традиции классического жанра, писатель, постигая новую реальность, передает свои впечатления об испанской земле и ее народе. Эренбург осмысливает древнюю природу испанской земли, жизнь людей, их уклад, в его пейзажных зарисовках ощутим библейский подтекст [11]. Взгляд путешественника — открывателя новой страны — тщательно примечает подробности неведомой ему ранее местности. В поле зрения оказывается не только буколический пейзаж, но и особенности быта: «старый разложился, новый не придуман» [15, с. 10]. «Быт» понимается автором в классической этимологии и привычном толковании — это не только условия проживания, но и жизненный уклад (род жизни, обычай, обыкновение, существование, бытие) [3, с. 196]. Эренбург открывает страну не только для себя, но и для ее граждан: «В Испании сколько угодно передовых умов. Они знают все: и программу Харьковского конгресса, и парижских “популистов”, и последнюю картину Эйзенштейна. Они не знают одного: своей страны. Они не знают, что у них под боком не сюрреализм, не пролетарская литература, не парижские моды, но дикая и темная пустыня, деревни, где крестьяне с голодухи воруют желуди, целые уезды, заселенные дегенератами, тиф, малярия, черные ночи, расстрелы, тюрьмы, похожие на древние застенки, вся легендарная трагедия терпеливого и вдвойне грозного в своем терпении народа <...>» [15, с. 13]. Писатель стремится постичь глубинную суть жизни страны и народа, подобная экспозиция 1931 г. придает философскую тональность последующим очеркам, раскрывающим разные аспекты существования людей. Именно их лучшие качества востребованы эпохой войны.

Эренбург использует распространенный прием публицистики — контраст, благодаря которому формируется аксиологическая модель существования народа. К примеру, очерк «Небоскреб и окрестности» (декабрь 1931) основан на противопоставлении жизни богатой столицы и окружающей скудости крестьянского быта. Праведная жизнь крестьян проявляется в щедрости, готовности прийти на помощь любому нуждающемуся, поделиться с еще более обездоленным, в частности, «батрак из деревни Оливенса, который содержит безработного товарища, скрывая свою жертву даже от соседей» [15, с. 28]. Характер испанцев рассмотрен в их буднях, в частности, отказ от части заработка в пользу нуждающегося товарища в статье «Что такое достоинство» (декабрь 1931). Автор замечает их деликатность: «Они приходят на помощь просто, как бы невзначай» [15, с. 27]. Они хорошие специалисты — настоящие мастера: «Испанские рабочие любят свое дело, это прекрасные токари, сапожники, столяры. В труде они ищут творчества» [15, с. 29]. Удивление и восхищение писателя вызывает их умение довольствоваться малым. Они не стяжатели, зарабатывая ровно столько, сколько необходимо на жизнь, люди, «которые умеют, даже голодая, жить» [15, с. 30].

Эренбург стремится к энциклопедически полному представлению читателя о жизни населения Испании. Топонимические зарисовки изображают жизнь людей в разных уголках страны, где бедный люд Испании жестоко противостоит гражданской

гвардии: «Ремесло гвардейца несложное: он должен убивать» [15, с. 37]. Автор иронически замечает: «Вместо “гвардия умирает, но не сдаётся”, здесь можно сказать: “гвардия убивает, но не ранит”» [15, с. 37]. Гвардеец превратился в символ страха, смерти, его преступления поощряются властями: «Губернатор ценит гвардейца на улицах Барселоны, на страницах журнала он его пугает: убийца на коне, этот святой Георгий Испанской республики, не может быть изображаем, как бог Саваоф» [15, с. 39]. Карательная сила государства уподоблена могуществу бога, завершённым воплощением ее становится генерал Санхурхо, имени которого «никто не поминает — это бог не только с неизображаемым ликом, но и с неизреченным именем» [15, с. 39]. Табуированность силы истребления олицетворяет не только всеобщий страх перед ней, но и *лишение имени и лика* этого зла. Отметим, что подобный прием лишения имени/названия врага-убийцы характерен для русской традиции. В публицистике об испанских событиях он обнаруживается у Эренбурга, к нему прибегает и А. Н. Толстой. В статьях периода Великой Отечественной войны мотив *безымянности* врага будет использован и Л. Леоновым.

Коренные черты духовной основы народа обусловлены не только древним происхождением испанцев, но и их обособленностью от разрушительного воздействия цивилизации. Очерк «О человеке» (январь 1932) рассказывает об этой особенности: «Рядом с французами испанцы кажутся первобытными, несмотря на всю пышность их истории» [15, с. 42], но первобытность испанцев в данном контексте трактуется онтологически, так как «человек здесь слишком человек» [15, с. 43]. Долгие века существования по жизненным нормам Человека образовали нравственный фундамент непреодолимости, что активно подтверждается галереей персонажей, выстраиваемых перед читателями. В очерках и статьях, посвященных боям против фашизма, много говорится о решительности, отваге и мужестве испанского народа. За оружие берутся не только мужчины, но и женщины, много внимания уделено Долорес Ибаррури, писатель рассказывает о ней в ряде очерков, считая ее стремление к свободе и счастью лейтмотивом ее личности и всего народа. Она становится олицетворением голоса справедливости, «она прекрасно говорит: в каждом слове огромное достоинство» [15, с. 81]. Автор, показывая многочисленные встречи Долорес с людьми из разных слоев общества, открывает широкую панораму народа.

В контексте предвоенного времени необходимо говорить о пробуждении чувства родины, так как человек, вступающий в войну, должен осознать, что он защищает. Эренбург поднимает одну из трагических тем — тему разъединения общества, которое, как правило, предшествует войне. Страна в период перехода от монархии к республике занята массовым переименованием и сменой старых символов власти новыми: «На фасадах дворцов тряпье, под тряпьем корона. На почтовых марках портрет короля снабжен штемпелем “республика”. Вывеска “Отель королевы Виктории” — слово “королева” замазано» [15, с. 13–14] («Переименовывают», декабрь 1931). Автор замечает, изменения носят внешний характер, жители еще не начали жить по-новому: «У себя дома республиканцы куда терпимей» [15, с. 14], т. е. не отказываются от монархической символики. Эренбург с позиции стороннего наблюдателя определил патриотическое ядро испанцев: люди «любят эту землю тупой и величавой любовью» [15, с. 7] («Осел, иди!», декабрь 1931). Проявление любви к родной земле, наблюдаемое автором у жителей, слито, а порой и растворено в природе Испании, его можно назвать «патриотизм места». Социальные проблемы не остаются без внимания писателя: безрадостная жизнь местных крестьян, постоянная нужда, высокая детская смертность, безработица

и т. д. В то же время отмечается душевная тонкость и чуткость рядовых людей: «Они приходят на помощь просто, как бы невзначай» [15, с. 27] («Что такое достоинство», декабрь 1931) и «в труде они соблюдают достоинство, <...> в труде они ищут творчество» [15, с. 29], испанцев отличает «высокая человечность» [15, с. 54] («Мигель Унамуно и трагедия “ничьей земли”», май 1933).

В очерках постепенно складывается национальный облик испанского народа: «Храбрость, эта историческая добродетель испанского народа, сохранилась только среди рабочих и крестьян. <...> Они умеют идти против винтовок с голыми руками» [15, с. 30] («Что такое достоинство», декабрь 1931), испанцы «отважны и выносливы» [15, с. 78] («Те же и революция», май 1936). Эренбург пишет не только о храбрости воинов, но и о гражданском мужестве писателей в «эпоху социальной войны» [15, с. 49] («Мигель Унамуно и трагедия “ничьей земли”», май 1933), трагическом столкновении гуманистической культуры и насаждаемой фашистами ложной культуры, их стремлении создать «свою литературу». Он описывает трагедию художника, оказавшегося заложником «исконного порока <...> — обожествление слова» [15, с. 56] («Мигель Унамуно и трагедия “ничьей земли”», май 1933). Ответственность литератора очень высока: «Чем больше писатель любит слово, тем целомудренней и строже он должен к нему подходить. Велика опасность опрощения, нивелировки, замены всех инструментов одним барабаном, отрицания глубины и многообразия жизни. Но не менее страшна и другая опасность — чрезмерного усложнения, подмены живой жизни игрой, жонглирования легкими идеями и редкими словами, инфляции мысли, за которой неизменно следует инфляция крови» [15, с. 57] («Мигель Унамуно и трагедия “ничьей земли”», май 1933). Эти истины Эренбург постиг еще в 1933 г., когда фашизм начал себя проявлять в Европе, поэтому «литература <...> должна усвоить <...> цензуру — своего гражданского сознания» [15, с. 57] («Мигель Унамуно и трагедия “ничьей земли”», май 1933).

Эренбург, находясь в центре событий, много внимания уделяет описанию открытого конфликта с властью фашистов, установление которой в Испании привело к уничтожению национальных культур: «Особое рвение фашисты проявили в деле истребления национальной культуры басков. Запрещены баскские слова на вывесках» [15, с. 303–304] («В фашистской Испании», август 1938).

На примере крушения привычного уклада жизни испанцев писатель показывает разрушительность фашизма, невозможность отсидеться и спрятаться от него, укрупняя масштаб трагедии: «Борьба теперь идет между трудовой Испанией и фашистами всего мира» [15, с. 90] («Испания не будет фашистской», 31 июля 1936).

Позиция очевидца заставляет Эренбурга сохранять достоверные свидетельства происходящего. Тревога о соблюдении этической нормы и о допустимом и запретном в человеческих отношениях передана через альтернативную систему ценностей, избранную фашизмом для своих действий в оккупированных странах. Писатель упоминает эпизод, когда на глазах ребенка его папу «фашисты положили на дорогу, потом они проехали в грузовике. Папе было очень больно <...>» [15, с. 93] («Мадрид в сентябре 1936», сентябрь 1936), в то же время устроители новой морали спорят «о воспитании гармоничного человека» [15, с. 93]. Усиливает катастрофичность происходящего свидетельство ребенка. В контексте нравственных приоритетов ребенок — носитель высокой морали, символ будущей жизни, его уста свидетельствуют о преступлении против человека. Автор не комментирует подобные факты, они слишком красноречивы, его зоркий взгляд отмечает молчаливую трагедию матери, которая привела на войну второго

сына: «Она спокойно глядит на дружинников. Я не сразу догадался, она глотает слезы» [15, с. 93] («Мадрид в сентябре 1936», сентябрь 1936), драму молодого бойца, потерявшего зрение в боях, ему теперь нужно «научиться жить» [15, с. 93] («Мадрид в сентябре 1936», сентябрь 1936) и вернуться на фронт. Не только война страшна, «Еще страшней игра в войну» [15, с. 96] («В Толедо», сентябрь 1936), когда красивый древний город Толедо превращен в поле битвы. Писатель с горечью наблюдает крушение мирного уклада жизни: «Гвадаррама была кокетливым курортом: источники, сады, панорама. Гвадаррама погибла первой. Из домов, пробитых снарядами, выглядывают остатки человеческого быта: детская кровать, рама от зеркала, манекен для шитья. Под ногами разбитая утварь. Огромная грусть в этой разрушенной форме жизни, ощущение уродства, одиночества, сиротливости» [15, с. 107] («Вечером в Гвадарраме», октябрь 1936).

Война вовлекает в свой круговорот людей разных судеб: Мохаммед бен-Амед был «осколком высокой культуры, сыном земли ограбленной и злосчастной» [15, с. 111] («Мохаммед бен-Амед», октябрь 1936), вынужден был за три песеты в день пойти в наемники; женщина, у которой убили мужа, «быстро укладывала патроны <...> для других» [15, с. 113] («Барселона в октябре 1936», октябрь 1936); молодой художник Элиос Гомес был «веселым и живым человеком, шутил с девушками, хвалил терпкое вино Куэнки и взволнованно говорил о живописи. Он жадно любил жизнь. Может быть, поэтому он рвался навстречу смерти» [15, с. 115] («Художник Гомес», октябрь 1936). Люди готовы любой ценой защитить родную землю от фашистов — «портниха из Таллаверы <...>, спасаясь от легионеров, привезла в Мадрид трехлетнего сына» [15, с. 116] («¡Salud у Animo! «Привет и мужество!», ноябрь 1936), отдает последние сбережения на войну; другой мальчик «с глазами грустными и лукавыми, дитя рабочего квартала Куатро Каминос» [15, с. 117] («¡Salud у Animo! «Привет и мужество!», ноябрь 1936) считает своим долгом «пойти туда», т. е. на войну. Решительность и мужество испанского народа вызывает искреннее восхищение: «Народ в полотняных туфлях, с охотничьим ружьем в руке, народ, почитавшийся отсталым, невежественным, нищим народом, гордо крикнул смерти: — Не пройдешь!» [15, с. 117] («¡Salud у Animo! «Привет и мужество!», ноябрь 1936). Эренбург утверждает, что «Это не сентиментальные слова, не газетные фразы, это сухой отчет о том, что происходит в Испании осенью 1936 года» [15, с. 118] («¡Salud у Animo! «Привет и мужество!», ноябрь 1936).

Уникальным феноменом войны в Испании стали интернациональные бригады, люди разных национальностей, мирных специальностей — семинарист, портной, конторщик, лавочник, приват-доцент, шахтер и др. объединились для борьбы с фашизмом. Реалии войны заставляют содрогнуться даже самых мужественных и стойких, автор вопрошает: «О чем писать? Снова и снова кричать в телефонную трубку, что фашисты звери? Но это знают все: каждый камень Мадрида, каждый воробей в его уцелевших садах» [15, с. 124] («Мадрид в декабре 1936», декабрь 1936).

Статьи Эренбурга, преимущественно основанные на впечатлениях очевидца, фиксировавшего конкретные факты, содержат и обобщенный взгляд на современную историю и ретроспективное осмысление событий. Репортажи писателя являют собой семантический комплекс, где доминантная составляющая войны выражена во множестве аспектов, совокупность которых составляет ее сущность, именуемую «концептом». В круг нашего внимания вошли далеко не все корреспонденции из книги, однако рассмотренные статьи и очерки позволили определить авторскую позицию и логику философских размышлений о ходе войны, проявлении тех или иных качеств характера

человека, тем самым приблизиться к пониманию концепта «война» в книге «Испанские репортажи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- 2 *Кулябин А. М.* Литературно-критическая публицистика периода Великой Отечественной войны (на материале творчества К. Симонова, А. Толстого, И. Эренбурга): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2009. 18 с.
- 3 *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Мир и Образование: Оникс, 2012. 1376 с.
- 4 *Плужников Д. А.* Югославия в публицистике К. М. Симонова в годы Второй мировой войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2016. № 3. С. 30–39.
- 5 *Поль Д. В.* Константин Симонов в начале XXI века: к столетию со дня рождения // Вестник МГУКИ. 2015. № 4. С. 15–22.
- 6 *Рубашкин А.* Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма. М.: Советский писатель, 1965. 389 с.
- 7 *Рубашкин А. И.* Илья Эренбург. Путь писателя. Л.: Советский писатель, 1990. 527 с.
- 8 *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- 9 *Фрезинский Б. Я.* Об Илье Эренбурге (Книги, люди, страны): Избранные статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 904 с.
- 10 *Художественная концептосфера в произведениях русских писателей. Сборник научных статей / ред. и сост. М. М. Полехина, Т. И. Васильева.* Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2008. 276 с.
- 11 *Щелокова Л. И.* Испанская тема в статьях И. Эренбурга 1930-х годов // Актуальные проблемы обучения русскому языку X. // Sborník Prací Pedagogické Fakulty Mu Č. 252 Rada Jazyková a Literární. Брно, Изд-во Masarykova univerzita, 2012. С. 465–471.
- 12 *Щелокова Л. И.* Испанский синдром в публицистике А. Н. Толстого 1930-х гг. // Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2014. С. 145–154.
- 13 *Щелокова Л. И.* Осмысление войны в «Испанском дневнике» М. Е. Кольцова // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Выпуск 6): Мат. Всерос. научн. конф. / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 63–69.
- 14 *Эренбург И. Г.* Испания: [Путевые очерки]. М.: Гослитиздат, 1935. 145 с.
- 15 *Эренбург И. Г.* Испанские репортажи 1931–1939 / сост. В. В. Попов и Б. Я. Фрезинский. М.: Агентства печати Новости, 1986. 398 с.
- 16 *Эренбург Илья.* Испанский закал: [Корреспонденции, напечатанные в газ. «Известия»]. Февраль-июль 1937. М.: Гослитиздат, 1938. 176 с.

© 2020 г. Larisa I. Shchelokova
Moscow, Russia

**THE CONCEPT OF “WAR” IN THE BOOK
“SPANISH REPORTS” BY I. G. EHRENBURG**

Abstract: The paper focuses on analyzing the essays of I. Ehrenburg about Spain and examining the concept of “war” in his book “Spanish reports”. The book, written in about ten years, during which the writer published several collections of essays: “Spain”, “The tempering of Spain”, is dedicated to Spain and the events of the civil war in this country. It also took many years for the book’s concept to emerge, which shows a peculiar evolution of the country’s perception: from the first traveler notes, glorifying the beauty of the Spanish land, including author’s attention to people, their way of life, employment, character manifested in labor and friendship and expressed in combat — to comprehension of the profound philosophical meaning of ongoing military events. The writer is deeply concerned about the issues of war, life and death, man’s recognition of his duty and its performance, saving one’s face, awakening of people’s national conscience, fate of the motherland. Under war conditions the issues sounded particularly acute and acquired a mature ontological meaning, showing fragility of the world on the eve of World War II. Designated range of issues has become a value center for comprehension of the life of the Spanish people, its history and war, presented in Ehrenburg’s publications, constituting a semantic nucleus, defined by the term “concept” in modern science. According to S. A. Askoldov-Alekseev the latter is “a mental formation that replaces in the process of thought an indeterminate number of objects of the same kind”. The writer’s essays enable many meanings of the “war” concept to be clarified. Ehrenburg’s articles, mainly based on the impressions of an eyewitness who fixed concrete facts, also contain a generalized view of modern history and retrospective interpretation of events. The writer’s reports are a semantic complex, where dominant component of the war is expressed through many aspects, the totality of which constitutes its essence, called the “concept”.

Keywords: war in Spain, Spanish reports, Ilya Ehrenburg, concept.

Information about the author: Larisa I. Shchelokova — PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, 2-d Selskokhoziajstvenny pr. 4, bldg. 2, 129226 Moscow, Russia. E-mail: lariva2007@yandex.ru

Received: April 18, 2019

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Shchelokova L. I. The concept of “war” in the book “Spanish reports” by I. G. Ehrenburg. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, 2020, vol. 55, pp. 163–172. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-163-172

REFERENCES

- 1 Askol'dov S. A. Kontsept i slovo [The concept and the word]. *Russkaia slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. The anthology], edited by professor V. P. Neroznak. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 267–279. (In Russian)

- 2 Kuliabin A. M. *Literaturno-kriticheskaia publitsistika perioda Velikoi Otechestvennoi voyny (na materiale tvorchestva K. Simonova, A. Tolstogo, I. Erenburga)* [Literary and critical journalism of the period of the great Patriotic war (based on the work of K. Simonov, A. Tolstoy, and I. Ehrenburg): PhD thesis, summary]. Vologda, 2009. 18 p. (In Russian)
- 3 Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions], edited by professor L. I. Skvortsova. Moscow, Mir i Obrazovanie: Oniks Publ., 2012. 1376 p. (In Russian)
- 4 Pluzhnikov D. A. *Iugoslaviia v publitsistike K. M. Simonova v gody Vtoroi mirovoi voyny* [Yugoslavia in the publicism of K. M. Simonov during the Second World War]. *Vestnik MGOU*, series: *Istoriia i politicheskie nauki* [History and political science], 2016, no 3, pp. 30–39. (In Russian)
- 5 Pol' D. V. *Konstantin Simonov v nachale XXI veka: k stoletiiu so dnia rozhdeniia* [Konstantin Simonov at the beginning of the 21st century: on the occasion of the centenary of his birth]. *Vestnik MGUKI*, 2015, no 4, pp. 15–22. (In Russian)
- 6 Rubashkin A. *Publitsistika Il'i Erenburga protiv voiny i fashizma* [Ilya Ehrenburg's journalism against war and fascism]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1965. 389 p. (In Russian)
- 7 Rubashkin A. I. *Il'ia Erenburg. Put' pisatel'ia* [Ilya Ehrenburg. The writer's path]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 527 p. (In Russian)
- 8 Stepanov Iu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1997. 824 p. (In Russian)
- 9 Frezinskii B. Ia. *Ob Il'e Erenburge (Knigi, liudi, strany): Izbrannye stat'i i publikatsii* [On Ilya Ehrenburg (Books, people, countries): Selected articles and publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 904 p. (In Russian)
- 10 *Khudozhestvennaia kontseptosfera v proizvedeniakh russkikh pisatelei. Sbornik nauchnykh statei* [Artistic conceptsphere in the works of Russian writers. Collection of scientific articles], edited and compiled by M. M. Polekhina, T. I. Vasil'eva. Magnitogorsk, Izdatel'stvo MaGU Publ., 2008. 276 p. (In Russian)
- 11 Shchelokova L. I. *Ispanskaia tema v stat'iakh I. Erenburga 1930-kh godov* [Spanish theme in articles by I. Ehrenburg of the 1930s]. *Aktual'nye problemy obucheniia russkomu iazyku X*. [Actual problems of teaching the Russian language X]. Sborník Prací Pedagogické Fakulty Mu Č. 252 Řada Jazyková a Literární [Collection of Works of Pedagogical Faculty Part 252 Series Linguistic and Literature]. Brno, Izdatel'stvo Masarykova univerzita Publ., 2012, pp. 465–471. (In Russian)
- 12 Shchelokova L. I. *Ispanskii sindrom v publitsistike A.N. Tolstogo 1930-kh gg.* [The Spanish syndrome in A. N. Tolstoy's journalism of the 1930s.]. *Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: dialogues with time]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 145–154. (In Russian)
- 13 Shchelokova L. I. *Osmyslenie voiny v "Ispanskom dnevnike" M. E. Kol'tsova* [Understanding war in the "Spanish diary" by M. E. Koltsov]. *XX vek v zerkalakh epistoliarii, dnevnikov, memuarov (Fedinskie chteniia. Vypusk 6): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [The twentieth century in the mirrors of epistolary, diaries, memoirs (Fedin readings. Vol. 6): Proceedings of the all-Russian scientific

- conference], edited by I. E. Kabanova, I. V. Tkacheva. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2015, pp. 63–69. (In Russian)
- 14 Erenburg I. G. *Ispaniia: [Putevye ocherki]* [Spain: [Travel essays]]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935. 145 p. (In Russian)
- 15 Erenburg I. G. *Ispanskii reportazhi 1931–1939* [Spanish reports 1931–1939], collected by Popov V. V. i Frezinskii B. Ia. Moscow, Agentstva pechaty Novosti Publ., 1986. 398 p. (In Russian)
- 16 Erenburg Il'ia. *Ispanskii zakal: [Korrespondentsii, napechatannye v gaz. “Izvestiia”]. Fevral'-iiul' 1937* [The tempering of Spain: [Correspondence printed in the Gazette. “News”]. February-July 1937]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1938. 176 p. (In Russian)